

ОПЫТ СТИЛИСТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ К. Л. ХЕТАГУРОВА

Людмила Асланбековна Кучиева, кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел поликультурного и полилингвального образования, Центр осетинского языка Института истории и археологии РСО-Алания (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0000-0002-0778-3277>; kuchieva-r@mail.ru

В статье актуализируется стилистический аспект синтаксиса текста, представляемый в качестве ядерной части комплексного разбора художественного произведения. Он определяется как стилистико-синтаксический анализ и обосновывается стилистическим характером синтаксиса текста. В этом смысле он рассматривается как непосредственный объект стилистики, а сама стилистика как наука в том числе и о функционировании единиц текста, вплоть до него самого. Анализ представляется на едином функциональном критерии для синтаксических средств, участвующих в построении текста, по формуле «что? – для чего? – как?». Его функциональная основа определена в качестве механизма рассмотрения языковой формы, в т. ч. эстетической, как средства передачи идейно-тематического содержания. Таким образом, предлагается анализ текста с точки зрения синтаксической специфики выражения данного содержания как способа достижения целеустановки автора. Показан его алгоритм, соотношенный с процессом комплексного анализа художественного текста в единстве его лингвистического, литературоведческого и стилистического рассмотрения. Обоснована функция самого стилистико-синтаксического подхода, состоящая в демонстрации способов достижения авторского замысла через выявление системы языковых средств, главным образом – синтаксических. Одновременно демонстрируется научно-практическое видение синтаксиса текста как высшей синтаксической системы языка и ее функций. Опыт стилистико-синтаксического анализа презентуется на материале поэтических текстов выдающегося осетинского поэта, основоположника осетинского литературного языка К. Хетагурова, обращается внимание и на некоторую выявленную специфику синтаксиса его текстов как авторских приемов. Поставлен вопрос о необходимости ее дальнейшего исследования, существенно расширяющего возможности демонстрации мастерства поэта.

Ключевые слова: синтаксис текста, стилистика текста, функциональный подход, стилистико-синтаксический анализ, выразительные средства, авторская картина мира.

Для цитирования: Кучиева Л.А. Опыт стилистико-синтаксического анализа поэтических произведений К. Л. Хетагурова // KAVKAZ-FORUM. 2024. Вып. 18(25). С. 21-36. DOI: 10.46698/VNC.2024.25.18.001

Введение

Современное литературоведение характеризуется ростом интереса к изучению текста как полю функционирования языка. Этот интерес связан с различными аспектами человеческой деятельности, в том числе и главным образом – с художественным текстом. При этом текст получает признание как одна из важнейших лингвистических категорий с акцентированием в ней синтаксической структуры и ее коммуникативной семантики. Так объединились в поле исследовательского внимания литературоведческая и лингвистическая сущности текста в их взаимосвязанности и взаимообусловленности.

Объединяющим фактором такого исследования, несомненно, является (должен являться) функциональный подход [1]. Литературоведение все пристальнее изучает использование языковых фактов и структур в практике текстовой культуры и все более – в условиях их функционирования. В этом смысле очевидную роль играют синтаксические единицы текста, поскольку единицы и структуры других уровней языка приобретают свою функциональную значимость лишь на этом уровне. Можно говорить о синтаксисе текста как поле функционирования языковых единиц всех уровней, представляющем сущность и способы их функционирования. Алгоритмом такого исследования является поиск ответа на линию вопросов функциональности: что? – для чего? – как? При этом автор исходит из убеждения, что синтаксис текста есть самостоятельный, высшего уровня раздел науки о языке.

Так, в качестве изыска современного лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста сформировался подход по использованию теории синтаксиса текста в качестве основополагающего этапа комплексного анализа литературного произведения. В настоящее время он становится одним из актуальных подходов, поскольку позволяет комплексно объединить в себе и лингвоцентрический (при котором главенствующим является языковой фактор как поле, на котором используются конкретные языковые единицы), и антропоцентрический (при котором текст рассматривается с позиций взаимоотношений: автор – читатель), и когнитивный (при котором главенствующим является восприятие (оценка) текста как способа отражения реальной действительности через призму авторской картины мира) подходы. В связи с этим функциональный аспект актуально включен в саму теорию текста, в том числе в ее объективную (синтаксическую) составляющую, а также и в ее субъективное (стилистическое) представительство.

Будем называть такой подход стилистико-синтаксическим. Будем обосновывать его стилистическим характером синтаксиса текста: если по-

нимать под стилистикой русского языка науку о совокупности способов использования языковых средств, то синтаксис текста, как уровень их функционирования, должен быть непосредственным объектом стилистики. Или наоборот – стилистика может быть названа наукой о функционировании единиц текста, в том числе и его самого.

Функциональный аспект в стилистико-синтаксическом анализе текста требует рассмотрения языковой формы, в т. ч. эстетической, в ее назначении как средстве передачи идейно-тематического содержания. В этом плане он трансформируется в такой анализ, при котором план выражения и план содержания в тексте рассматриваются в своей взаимообусловленности как единство, определяющее целостность текста.

В таком аспекте данный подход призван определять целесообразность использования в тексте языковых средств и связывать эту целесообразность: а) с тем содержанием, которое нужно высказать, б) с той формой, через которую данное содержание представляется, в) с мотивированностью выбора языковых средств. То есть с той ситуацией, в которой и ради которой именно так и именно такими языковыми средствами пользуется автор: способ использования языковых средств в тексте и есть авторский стиль.

Приемы построения текста, использование различных средств художественной выразительности, их отношения с ритмико-интонационными средствами, особенности композиции, жанровое своеобразие и система образов, их идейно-художественная роль, мастерство и стиль автора – все эти вопросы есть практический алгоритм стилистико-синтаксического анализа. Такой алгоритм позволяет исследовать содержание текста и его форму как единство, в котором существует литературный текст. В связи с этим можно определить синтаксис текста наукой, которая изучает текст как особым образом организованную целостную стилистико-синтаксическую систему.

Есть все основания считать, что сама теория синтаксиса текста и ее стилистико-синтаксическая сущность представляют актуальное направление в парадигме сегодняшних лингвистики и литературоведения. Что при исследовании литературных текстов целесообразно использовать стилистико-синтаксический анализ как основу рассмотрения художественной системы произведения в целом, выстроенную на анализе использования в художественном тексте языковых средств в их назначении, т. е. в их функциональности.

Основная часть

Представляя согласно данной концепции опыт стилистико-синтаксического анализа текстов, мы будем исходить из того, что синтаксическая форма их содержания функциональна, мотивирована авторской целью и состоит в установлении соотношения «значение-назначение» языковых единиц и структур, в том числе в их эстетической функции и в поле общей эстетики текста.

При этом будем полагать, что аудитория знакома с теорией синтаксиса текста, его единицами: абзацем (А) и макротемой (МТ); сложным синтаксическим целым (ССЦ) и микротемой (мТ), в том числе в аспекте сложного предложения (СП, в том числе и сложноподчиненного; видами связи между единицами: цепными (-), параллельными (=), смешанными и их усложнениями; композицией единиц (З., К., ОЧ.), с видами синтаксических выразительных средств: анафорой (А), эпифорой (Э), кольцом-обрамлением (К), периодической конструкцией (ПК), градацией, парцелляцией и другими, их видами и их функциями [2, 188–194].

Что касается алгоритма данного анализа, он примерно следующий.

1. Определение количества ССЦ в тексте и их микротем. Их макротемное объединение в абзацы (при наличии).

Известно, что реальной в смысловом отношении синтаксической единицей языка и связной речи является ССЦ, поэтому в основе стилистико-синтаксического анализа текста чаще всего лежит анализ этой единицы. Это та ступень, на которой определяется основа формы текста (композиции). При этом ССЦ-членимость текста связана с процессом его развертывания, который сопровождает (обеспечивает) поступательное движение информации.

2. Определение структуры ССЦ, видов связи между его составляющими, их специфики и функций.

Исходное состоит в том, что промежуток между двумя единицами текста представляет собой одну из главных единиц учета строения и смысло-содержания текста; к примеру – на стыке предложений (предикативных единиц) лежит то зерно, из которого развивается текст [3, 105]: то есть отношения, оформляемые средствами связи, определяют и его структурное членение.

3. Определение используемых в тексте выразительных средств синтаксиса, их специфики и функций.

Выразительные средства синтаксиса текста выполняют структурную функцию, специально организуя текст, ритмизуя его и определяя мелодику его структуры. Они также выполняют функции: эстетическую, так как создают поле выразительности текста, индивидуализируют его, придают

ему повышенную эмоциональную окраску; выделительную, так как акцентируют внимание на наиболее важных деталях текста; стилистическую, состоящую в том, что использование данных приемов находится в тесной взаимосвязи с идейно-тематическим содержанием, поскольку они как раз и несут в себе важную смысловую нагрузку.

4. Работа над особенностями лексики как составляющей синтаксических единиц текста, ее специфики, вплоть до фонетической, и ее функций.

Слова в художественном применении приобретают художественное значение, потому что они служат образному раскрытию идейного содержания текста и приобретают стилистические свойства. Это соотносит поле их функционирования с синтаксисом, причем не столько предложения (оно само требует расширенного контекста), сколько с синтаксисом текста, главным образом с ССЦ.

5. Обобщение выявленных в процессе анализа характерологических сторон синтаксиса данного текста, его тематического содержания, ритмико-интонационных особенностей, образной системы и идейного содержания, то есть индивидуально-авторских приемов представления изображаемого как выражения авторской картины мира.

Мы исходим из задачи определения назначения языковых единиц, конструирующих текст, определения их характерных функциональных признаков, из того, что форма, если ее исследовать функционально, есть по сути – содержание как оно проявляется вовне, объективно, для его восприятия читателем.

Предлагаемый алгоритм есть собственно процесс комплексного анализа художественного текста, состоящий в изучении художественного произведения в единстве его лингвистического, литературоведческого и стилистического анализов. В этом и состоит специфика стилистико-синтаксического анализа текста.

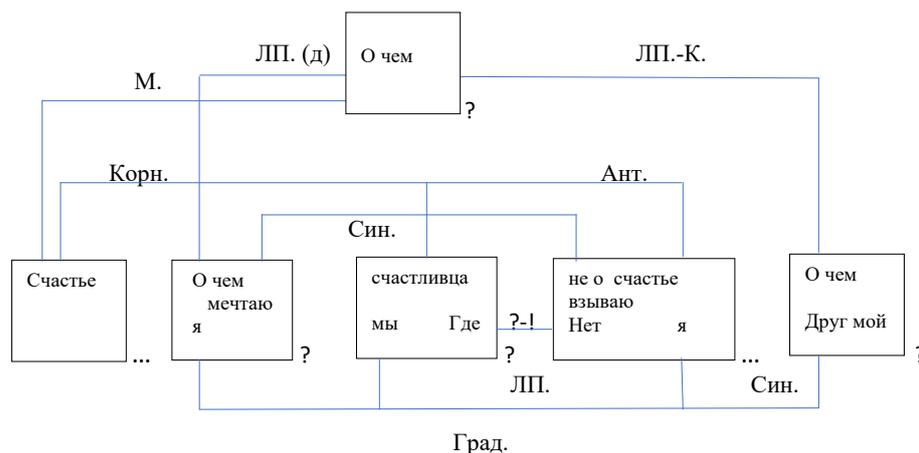
В качестве примеров представим некоторые поэтические тексты Коста Хетагурова. Начнем со стихотворения-миниатюры в переводе С. Олендера, небольшой размер которого и монотемность делают его удобным для экспликации процедур анализа.

О ЧЕМ?

Счастье... О чем я, безумец, мечтаю?
Где в наше время счастливец найдем?
Нет, не о счастье я к Богу взываю...
Друг мой, о чем? [4, 211].

Структура синтаксиса текста представляется следующим образом:

(рис.1)



Характеристика синтаксиса текста.

1. Стихотворение-миниатюра. Состоит из одного ССЦ. Его микротема условно указана в названии. Название входит в структуру текста и связывается с ним двойным дистанционным лексическим повтором. Это очевидная соединительная, текстообразующая, композиционная функция названия. Это также характеризует его как эксплицитно многократно (3 раза) развернутое и формально выражает тесноту его связи с самим текстом. Это функционально позволяет соединить логику подачи содержания текста и его эмоциональность.

2. Произведение является примером каталектического стиха, что создает динамику текста.

3. Все части связаны цепной связью. Из 11 видов связи 8 дистантные. Это, с одной стороны, обогащает структуру текста, создает его стилистический рисунок, с другой стороны – является средством усиления объединения его частей. Функционируют следующие ее виды:

3.1) три лексических повтора, все дистантные и разной окраски: два чистых (*О чем? – О чем*), (*я – я*) и *кольцо-обрамление* (*О чем? – о чем*);

3.2) две местоименные связи: (*О чем? – Счастье*), (*Счастье – О чем*);

3.3) две синонимические дистантные связи: (*мечтаю – зываю*), (*я – мы – Друг мой*);

3.4) одна градационная линия: (*я – мы – я – Друг мой*);

3.5) одно вопросно-ответное единство: (*Где? – Нет*)

3.6) одна корневая дистантная связь: (*Счастье – счастливица*);

3.7) одна связь антонимическая дистантная: (*Счастье – не о счастье*).

Такое разнообразие видов связи в тексте-миниатюре, создающее его

смысловую и структурную основу, характеризует его особый лаконизм, повышенную языковую (семантическую) точность и в результате – концентрированность мысли. Кроме того, это обеспечивает максимальную целостность текста: его закругленность, завершенность.

4. Ни одна из частей ССЦ не является интонационно нейтральной, все они эмоционально окрашены: (? ... ? ? ... ?). При этом второй и третий вопросы представляют функционально привлекающие внимание риторические контексты. Также в тексте используется интонационное (вопросительное) обрамление (? – ?). В целом автор предстает как мастер создания интонационного рисунка текста: к примеру:


О чем? – Счастье... – О чем?

При этом в оригинале текста последний вопрос сопровождается многообразием: *О чем? – Счастье... – О чем?..* То есть первый и второй знаки объединяются. Это, конечно же, функционально: так создается ритмическая картина текста и наполняется его эмоциональный фон.

5. Первое предложение текста – композиционно – зачин, в нем содержится микротема ССЦ, в данном случае – всего текста.

6. Из выразительных средств синтаксиса текста используются два кольца-обрамления: лексическое (*О чем – о чем*) и интонационное (*? – ?*). Прием обрамления начала и конца текста (ситуация их одинаковости) вообще ощутимо значим в стихотворениях-миниатюрах. В данном примере двойственность кольца усиливает его текстообразующую композиционную функцию, которая структурно оформляет текст как завершенное целое. Автор использует также и вопросно-ответное единство (*Где? – Нет*).

Все это представляет стилистические изыски автора и его самого как мастера слова.

Данная специфика синтаксиса текста характеризует его как рассуждение эмоциональное. О чем так эмоционально рассуждает поэт? По содержанию текста выходит, что не о счастье (*Нет, не о счастье...*). Стилистико-синтаксический анализ текста говорит о другом:

– зачин текста функционально обычно называет его тему: в данном тексте это *Счастье...*;

– практически каждая часть ССЦ содержит понятие счастья: *Счастье...*

– *счастливица – не о счастье* (именно этим словом) и трижды – *О чем?* (местоименно – о счастье); это подтверждающий акцент, с которым особо не поспоришь;

– динамика текста и его особое эмоциональное поле говорят об осо-

бой чувственности автора к данной теме: так говорят об очень значимом;
– если еще раз сакцентировать участие заголовка текста в его синтаксической структуре и его местоименную связь с зачином, то получится вопрос-ответ: *О чем?* – *о Счастье...*

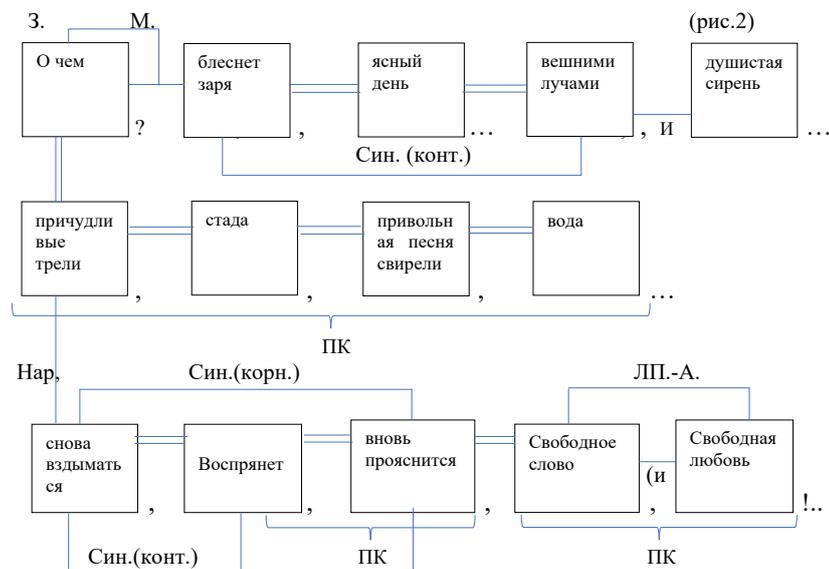
И это не требует особой догадки (*Базон-ма, циу? – узнай-ка, догадайся-ка, что это*), которую предлагает автор в оригинале текста. Это все о Счастье. Или о чем-то очень близком к нему. Может быть, о Любви? (Известно, что стихотворение адресовано А. Цаликовой).

XXX (ЧАСТЬ II)

О чем жалеть?.. За темными ночами
Блеснет заря, наступит ясный день...
Проснется жизнь под вешними лучами,
И расцветет душистая сирень...

Лес огласят причудливые трели,
По зелени рассыпятся стада,
Польется песнь привольная свирели,
Под веслами запенится вода...

Высоко грудь начнет вздыматься снова,
Воспрянет мысль, взор прояснится вновь,
Свободное в аккордах грянет слово,
Свободная вернется и любовь!.. [4, 300].



Композицию стихотворения представляют три ССЦ, совпадающие со строфами:

- 1 ССЦ – утро-пробуждение природы,
- 2 ССЦ – пробуждающийся день,
- 3 ССЦ – пробуждение лирического героя.

Все ССЦ по количеству частей практически равны: 5 – 4 – 5, однако в их звучании есть нюансы, связанные с видами связи.

В 1 ССЦ – смешанные связи: 2 цепные и 2 параллельные. При этом первая связь – это связь зачина с содержанием всего стихотворения. Это местоименная цепная связь, так как логическое ударение в зачине падает на местоимение (*О чем жалеть?..*). Параллельность второй и третьей связей сглаживается общим смысловым членом второй части (*За темными ночами*). Три многоточия в пяти частях прерывают перечисление и делают звучание текста протянутым. Ко всему еще и союзное присоединение пятой части (*и*) закругляет 1 ССЦ структурно. Мелодику чередования создает и лексическое наполнение частей: 3 – 5 – 3 – 5 и 3.

Во 2 ССЦ все связи параллельные, причем это чистый параллелизм, при котором структура частей совпадает максимально: в каждой по четыре слова, обратный порядок следования членов предложений (предикативных единиц), субъектная позиция конца (*трели, стада, свирели, вода...*). Полифункциональность чистого параллелизма позволяет подчеркнуть внутреннюю связь между изображаемыми картинками и выразить содержащуюся в них экспрессию, при которой акцентируются первый и последний члены инверсии, а это глаголы-сказуемые (действенность общей картины) и субъекты этих действий (многосубъектность картины). Ко всему звучание последовательности картин оформляется фонетической анафорой (*По – полется – Под*). И еще важное: все ССЦ оформлено одним сложным предложением, это объединяет части больше, чем в 1-ом ССЦ, состоящем из трех предложений. Это ритмизирующая функция, убыстряющая общий темп.

В 3 ССЦ связь смешанная, но это три параллельные связи и одна цепная, что продлевает поле функционирования 2 ССЦ. При этом союзное присоединение концовки (*и*) логично завершает структуру всего стихотворения. Здесь опять же одно сложное предложение, по пять частей в каждой, кроме концовки. Но концовка оформлена восклицательным многоточием (*!..*), что делает интонацию возвышающейся и как бы заменяет пятую (несуществующую) часть ССЦ.

Выразительность тексту придает обратный порядок слов в частях: из 14 частей в 11 именно обратный порядок слов. Он придает рифмованно-

му тексту особую ритмизованность и одновременно представляет равную значимость для поэта содержания каждой части 1 и 2 ССЦ.

Из выразительных средств автор также использует три периодические конструкции. Их функция состоит в оформлении однотипности изображаемых предметов и явлений. При этом первая оформляет всю вторую часть (напомним, что она построена на чистом параллелизме). Вторая и третья ПК оформляют 3 ССЦ (см. схему), при этом каждая из них оформляется еще и фонетической анафорой (*B – B*), (*C – C*). Это усиливает образность и эмоциональность текста, его плавность и ритмичность.

Автор использует интонационное обрамление в формате вопросно-ответного единства (?-!), усложненного многоточием (?.. !..), при этом и 1 ССЦ, и 2 ССЦ знаково также завершаются многоточием. Это создает пространственный эффект представления-восприятия контекста. Это же подтекстово выполняет апеллятивную функцию по привлечению читателя к соучастию в чувственном восприятии текста.

Общий эмоциональный фон стихотворения подкрепляется лексическими значениями определений-эпитетов и глаголов-сказуемых. По определениям, антонимично к темным ночам: *ясный день, вешние лучи, душистая сирень, причудливые трели, привольная песнь*. По сказуемым относительно природы: *блеснет, проснется, расцветет, огласят, рассеются, польется, запенится*; по сказуемым относительно лирического героя: *начнет вздыматься, воспрянет, проявится, грянет, вернется*. Обращаем внимание на будущее глагольное время сказуемых, хотя и совершенный вид: это – картина будущего, но очень желаемого.

Вся стилистика синтаксиса этого текста функционально призвана последовательно, темпово и эмоционально представить ожидания поэта. Это есть торжествующее перечисление обновления жизни: природы и адекватно ей – лирического героя.

Смысловой стык зачина и концовки в вопросно-ответном формате представляет основную мысль автора (*О чем жалеть?.. – Свободное в аккордах грянет слово, Свободная вернется и любовь !..*). Жалеть не о чем, все вернется (пробудится) в своей свободной стихии. Это – о творчестве: *аккорды слова*. И о любви. И об их свободе.

Функции многоточий, особенно в зачине и в концовке, это еще и об оттенке незавершенности: она есть скрытое раздумье автора о чувстве некоего, может быть, сомнения в себе (см. I часть стихотворения, прямо противоположную по авторскому мироощущению).

Это – поэт, это – Коста Хетагуров, это его судьба...

XXX

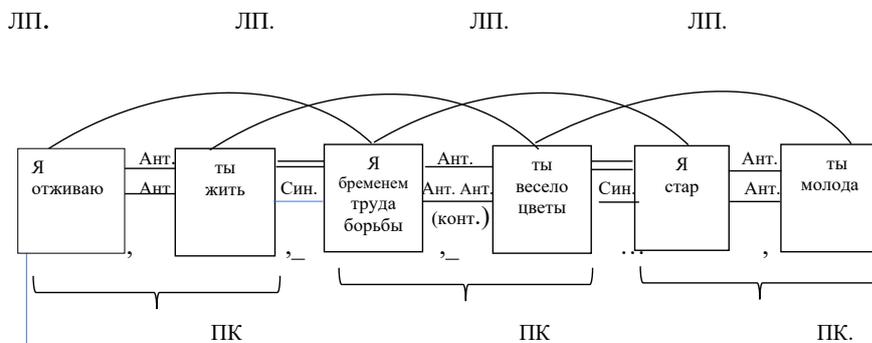
Я отживаю век, ты жить лишь начинаешь, –
Я выбился из сил под бременем труда,
Борьбы и нищеты; ты весело срываешь
Весенние цветы... Я стар, ты молода.

Зачем мы встретились? Зачем душой разбитой
Я полюбил тебя, как друга, как сестру?
Ведь я допил бокал, а твой, едва налитый,
Стоит нетронутым на жизненном пиру.

Да, нам не по пути... Но, встретившись с тобою,
Я посох и суму благословляю вновь, –
Ударю по струнам дрожащею рукою
И миру возведу свободу и любовь [4, 27].

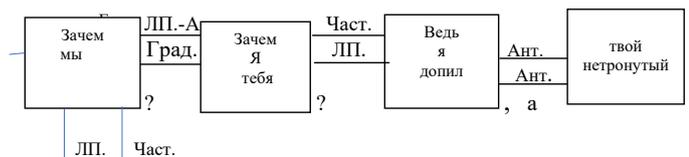
(рис.3)

1 ССЦ:

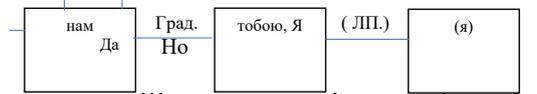


Град.

2 ССЦ:



3 ССЦ:



Стихотворение состоит из 3-х ССЦ, совпадающих со строфами:

мТ 1 ССЦ: Я – ты

мТ 2 ССЦ: встреча

мТ 3 ССЦ: вдохновение

Основной прием построения синтаксических единиц текста – антонимия: 9 антонимических связей для 13 частей, при этом в первом ССЦ (ударном по смысловой нагрузке в силу своего расположения) в формате усложнения: удвоения и утроения. Это, конечно же, усиливает эффект противопоставления и декларирует его как основную мысль автора. Противопоставляемые стороны названы в микротеме первого ССЦ в составе концепта «Я – ты». Рисунок синтаксиса текста 1 ССЦ – говорящий: он очевидно демонстрирует синхронную периодичку своей структуры.

ССЦ построено на трех периодических конструкциях, каждая из которых двучастна и тематически представляет данные стороны, поэтому их части связаны удвоенной (в первой и в третьей частях) и утроенной (во второй части) антонимической связью: *Я – ты, отживаю – жить; Я – ты, выбился из сил – весело, под бременем труда – весенние цветы (контекстуальная антонимия); Я – ты, стар – молода*. Сами периодические конструкции связаны друг с другом синонимическим лексическим повтором, и это значительно усиливает общий контрастный тон. Стилистически они заметно обогащают структуру текста, делая ее прерывистой и как следствие – дискретной (динамичной) и автосемантической (акцентирующей функциональную значимость данных отрезков текста). При всем этом периодические конструкции анафорические. Их выразительный потенциал представляет постепенно нарастающую эмоциональную экспрессию синтаксических отношений и усиливает логические отношения частей.

2 и 3 ССЦ переводят индивидуальную картину автора в поле эмоций: сначала риторического восклицания-переживания (см. лексическое наполнение слов связи частей 2 ССЦ: *Зачем – Зачем – Ведь*), а затем (3 ССЦ) – в поле вдохновляющего настроения.

Другие средства синтаксической связи, используемые автором, антонимичны: это противительная союзная связь (*Но*), связь усиливающей противопоставление частицей во втором ССЦ (*Ведь*). Лексический повтор во втором ССЦ тоже анафорический, что позволяет автору усилить вопрошающее «*Зачем-Зачем?*», придавая ему эмоционально возвышенный тон, окрашиваемый драматизмом. При этом лексический повтор в 1 ССЦ – многочленная перекрестная анафора, создающая и поддерживающая ритм противопоставления: *Я-ты, Я-ты, Я-ты*. Так лексико-синтаксический состав текста и форма самих периодических конструкций-противопостав-

лений образуют такой ритм, который создает драматический эффект и становится источником выражения эмоций автора.

Таким образом, основная тема произведения – это противопоставление лирического героя и его адресата. Хотя автор передает и их внутреннюю близость: это выражается через использование в качестве связи градации: *Я, ты – мы* (1 ССЦ), *мы – Я, тебя* (2 ССЦ), *нам – с тобою, Я* (3 ССЦ). Но подтекст градации – тоже скорее противопоставление, чем просто перечисление. Поэтому зачин третьего ССЦ (завершающего) хотя и связывается с предшествующим текстом посредством утверждающей частицы (*Да*), но утверждается как раз это противопоставление. Обращаем внимание на то, что автор ставит после этого зачина многоточие (*Да, нам не по пути...*) – это требует паузы, облекая данное утверждение в оттенок неуверенности и внутреннего сомнения по поводу будущих возможностей. Но надежда есть, несмотря ни на что. Поэтому следом – союзная противительная связь (*Но*) и сам мотив вдохновения.

Обращаем внимание также на паузу в конце 1 ССЦ: предложение перед ним (*ты весело срываешь Весенние цветы...*) оформлено многоточием. Значит, пауза после (*Я стар, ты молода*), хотя и обозначается точкой, должна быть длиннее – это конец микротемы. Именно она, это пауза, говорит о главенствующей роли первого ССЦ в передаваемом автором содержании. Это – главное. То, что идет следом, это уже сопровождающие эмоции: вопрос-ответ, утверждение (*Да, нам не по пути...*). Знак после него – это опять же многоточие, которое требует более длительной паузы. Таким образом, текст между двумя многоточиями читается быстрее, текст до и после второго многоточия – медленнее, и это выделяет их логически.

Автор высказывает в последнем ССЦ вдохновляющее настроение (*благословляю, Ударю, возведу* – это о творчестве); вдохновляющие чувства (*свободу и любовь* – это о понимании своего назначения, о своем эстетическом идеале). Но почему автор не использует здесь восклицательный знак? Почему нет восторженности? Почему автор использует невосклицательное восклицание? Потому что и это вдохновение сопровождается оттенком внутреннего сомнения, неумолимо возвращающего читателя к первому ССЦ и его микротеме: *Я стар – ты молода*. Именно это демонстрирует автор, и именно это должен понять читатель.

Анализ поэтических произведений К. Хетагурова позволил выявить некоторую специфику синтаксиса их текстов как приемов мастерства их автора. Выявление осуществлялось по принципу частотности и показало следующее характерное [5, 204–216]:

В части специфики цепных связей:

– употребление лексического повтора анафорического в условиях периодической конструкции;

- использование союзного завершения ССЦ или всего текста союзом *И*;
- использование многократно усложненных цепных связей;
- использование перекрещивающихся дистантных цепных связей;
- использование конструкций противопоставления: чем – тем, когда – тогда, да – нет, вы – я, ты – я;
- использование вопросно-ответных единств.

В части параллельных связей:

- использование чистого параллелизма;
- распространенность параллельных синтаксических конструкций;
- использование параллельных связей в смешанном варианте.

В части использования выразительных средств синтаксиса текста:

- по анафоре: многокомпонентная анафора, анафора в условиях периодической конструкции, анафорические восклицательные зачины и концовки;
- по периодической конструкции: ПК анафорическая, ПК концовки, в том числе многокомпонентная;
- по кольцу: обрамление зачина и концовки текста, обрамление интонационное.

В части особенностей функционального употребления знаков препинания:

- по многоточию: в зачине, в концовке, в зачине и концовке, многократное по тексту, восклицательное, вопросительное;
- по восклицательному знаку: в зачине, в концовке, обрамляющий, сквозной по тексту, невосклицательные восклицания;
- по вопросительному знаку: обрамляющий, риторический;
- в общем – многознаковость текста.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что синтаксис текста есть высшая функционирующая языковая система, изложенная соответствующей теорией в статусе самостоятельного раздела науки о языке. Что построенный на его основе стилистико-синтаксический анализ текста демонстрирует способы достижения авторского замысла через выявление синтаксических языковых средств, с помощью которых передается идейно-тематическое и эстетическое содержание. Собственно, он выявляет зависимость отбора языковых средств от прогнозируемого автором эффекта воздействия.

Сущность стилистико-синтаксического анализа может демонстрироваться на материале произведений литературы, в том числе в качестве со-

ставляющего комплексный анализ текста. Такой анализ может быть нацелен и на установление соответствующей специфики мастерства того или иного автора.

В части синтаксиса текстов К. Хетагурова, – их специфика представляема, но при этом требует своего дальнейшего исследования. Это позволит расширить возможности определения и демонстрации мастерства поэта по организации синтаксической структуры текста как функциональной формы выражения содержания, как способа представления авторской картины мира. Так же как и сама теория синтаксиса текста в ее стилистическом аспекте может демонстрироваться материалом поэтических произведений К. Хетагурова, равно как и других авторов.

-
1. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. Изд. 2-е, испр. М.: УРСС, 2005. 350 с.
 2. Кучиева Л.А. Синтаксис текста. Функциональный подход: учебник. Владикавказ: Издательство СОГПИ, 2021. 300 с.
 3. Жинкин Н.И. Коммуникативная система человека и развитие речи в школе. М.: Знание, 2014. 224 с.
 4. Коста. Произведения / сост. Т.А. Кокайты. Владикавказ: Ир, 2009. 623 с.
 5. Кучиева Л.А. Синтаксис текста. Функциональный подход. Практикум. Владикавказ: Издательский центр СОГПИ, 2022. 240 с.

EXPERIENCE OF STYLISTIC AND SYNTACTIC ANALYSIS OF THE POETIC WORKS OF K. L. KHETAGUROV.

Kuchieva, Ludmila A. – candidate of pedagogical sciences, associate professor, leading researcher, Center for Multicultural and Multilingual Education of the Institute of History and Archeology of North Ossetia-Alania (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-0778-3277>; kuchieva-r@mail.ru

Keywords: *textual syntax, textual stylistics, functional approach, stylistic and syntactic analysis, expressive means, author's worldview.*

The article actualizes the stylistic aspect of the textual syntax, which is presented as a nuclear part of a comprehensive analysis of a work of art. It is defined as a stylistic-syntactic analysis and is justified by the stylistic nature of the syntax of the text; in this sense, it is considered as a direct object of stylistics,

and stylistics itself as a science, including about the functioning of text units, up to itself. The analysis is presented on a single functional criterion for syntactic means involved in the construction of the text, according to the formula «what? – what for? – how?» Its functional basis is defined as a mechanism for considering the linguistic form, including aesthetic, as a means of transmitting ideological and thematic content. Thus, an analysis of the text is proposed from the point of view of the syntactic specificity of the expression of this content as a way to achieve the author's goal. His algorithm is shown, correlated with the process of complex analysis of a literary text in the unity of its linguistic, literary and stylistic consideration. The function of the stylistic-syntactic approach itself is substantiated, which consists in demonstrating ways to achieve the author's idea through the identification of a system of linguistic means, mainly syntactic ones. At the same time, the scientific and practical vision of text syntax as the highest syntactic system of the language and its functions is demonstrated. The experience of stylistic and syntactic analysis is presented on the material of poetic texts by the outstanding Ossetian poet, the founder of the Ossetian literary language K. Khetagurov. Attention is also drawn to some of the revealed specifics of the syntax of his texts as author's techniques. The question is raised about the need for its further research, which significantly expands the possibilities of demonstrating the poet's skill.

For citation: Kuchieva, L.A. Experience in stylistic and syntactic analysis the poetic works of K. L. Khetagurov. KAVKAZ-FORUM. 2024, iss. 18(25), pp. 21-36. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2024.25.18.001

REFERENCES

1. Zolotova, G.A. *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [An essay on the functional syntax of the Russian language]. 2nd ed., corrected. Moscow, URSS, 2005. 350 p.
2. Kuchieva, L.A. *Sintaksis teksta. Funktsional'nyi podkhod: uchebnyk* [The syntax of the text. Functional approach: textbook]. Vladikavkaz, North Ossetian State Pedagogical Institute, 2021. 300 p.
3. Zhinkin, N.I. *Kommunikativnaya sistema cheloveka i razvitie rechi v shkole* [Human communicative system and speech development at school]. Moscow, Znanie, 2014. 224 p.
4. Kosta. *Proizvedeniya* [Works]. Kokaity T.A. (comp.). Vladikavkaz, Ir, 2009. 623 p.
5. Kuchieva, L.A. *Sintaksis teksta. Funktsional'nyi podkhod. Praktikum* [The syntax of the text. A functional approach. Practicum]. Vladikavkaz, North Ossetian State Pedagogical Institute, 2022. 240 p.